# Раздел 1. Кризис и трансформации в православии

Ольга Васильева

## Российская православная церковь и Октябрьская революция 1917 г.

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-12-29

*Olga Vasilyeva*

**The Russian Orthodox Church and the October Revolution**

**Olga Vasilyeva** — Ministry of Education of the Russian Federation (Moscow, Russia). info@edu.gov.ru

*The publication offers the analysis of socio-political attitudes among the highest Church hierarchy at a turning point of Russian history in 1917. The main directions of the Church's activities in overcoming the crisis of state-church relations and the state-public system are indicated. The article discusses the peacekeeping initiatives of the Church on the eve of the Civil War in Russia. It then explores the main causes and circumstances that determined the Church's positions and further activities under the Soviet power. The political role of the epistles of Patriarch Tikhon (Bellavin) is particularly emphasized.*

**Keywords:** Land Council of the Russian Orthodox Church, October revolution, Patriarch Tikhon (Bellavin), Soviet power, Church-State relations.

Выступление 26 октября 2017 года на конференции «Религия и Русская революция» в РАНХиГС (Москва).



*Васильева О.* Российская православная церковь и Октябрьская революция 1917 г. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1-2. С. 12–29.

Vasilyeva, Olga (2019) "The Russian Orthodox Church and the October Revolution", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 37(1-2): 12–29.

Для меня очень важно, что я здесь присутствую не в качестве министра образования и науки Российской Федерации, а в качестве историка, потому что люди, сидящие в зале, знают, что я этой теме отдала много лет жизни.

В конце 1980-х — начале 1990-х, когда открылось огромное количество архивов и мы начинали работу с моими коллегами, трудно было себе представить, что темы, посвященные религии, церкви, религиозным организациям, будут присутствовать в жизни российского общества, — ведь эта тема раньше была закрыта. Когда вал документов, которые мы получили в начале 1990-х и в конце 1980-х, стал открывать так называемые белые пятна истории, именно церковной истории, конечно, — в какой-то период мы «захлебнулись». Потом, лет через 15, пришло некое насыщение. Теперь постепенно начинается уже переосмысление того, что мы узнали. Появилась замечательная плеяда молодых историков, выходят большие региональные работы.

Я провела в архивах 16 лет и считаю, что это лучшие годы моей жизни. Начинала с темы изъятия церковных ценностей, потом углублялась дальше, долгие годы занималась второй половиной XX века и отношениями государства и церкви — так называемым «новым сталинским курсом». Сегодня я выбрала тему, для меня не очень свойственную, потому что многие историки, такие как Сергей Львович Фирсов, до многого в этой теме дошли и уже нашли ответы на многие вопросы.

Но остается вопрос: что произошло с религиозным сознанием? Что произошло с теми православными (83 миллиона на 1910 год), с тем Святейшим Синодом, с теми людьми, о каждом из которых можно писать огромные фолианты и которые вызывают неподдельное восхищение и уважение?

Мое выступление посвящено проблематике «Церковь и гражданская война». Я хочу сделать попытку в этом выступлении ответить на вопрос: что произошло? Что предшествовало этому церковному кризису? Это был мощнейший кризис внутрицерковного сознания, и начинался он задолго до начала века, в 60-х годах XIX столетия. Что произошло за недолгий период с Февраля 1917-го до осени 1919-го? Смена позиции связана, на мой взгляд, с одним-единственным человеком, тогда осознавшим происходящие события, в которые вошла Россия, — с патриархом Тихоном. Именно эти без малого два года привели к выстраиванию труднейших отношений, которые во многом были абсолютно бесполезны для церковной стороны, и только начавшаяся война показала какие-то изменения.

26 февраля 1917 года в разгар забастовок в Петрограде состоялось последнее в самодержавной России заседание Святейшего Синода. Как известно, самого обер-прокурора не было, заседание проводил князь Жевахов. Все присутствующие здесь прекрасно знают его воспоминания. Он обращался, прежде всего, к первенствующему члену Синода, митрополиту Владимиру (Богоявленскому) — напомню, что он будет первым новомучеником из митрополитов. Князь обращался с одной-единственной просьбой:

> Пожалуйста, давайте примем сейчас обращение к народу. — Причем смысл этого обращения следующий: что в случае ослушания может быть церковное наказание. Давайте сами оценим ту ситуацию, которая творится за окном[1].

Позже в своих дневниках Жевахов напишет, что он обращался к каждому из сидящих в зале и видел их профили на фоне стекла — взгляды были обращены на свинцовые воды, которые несла Нева. Ответа не было. Синод ничего не сделал. Жевахов был страшно расстроен, об этом сообщают многие его дневниковые записи.

Бытует версия, что митрополит Владимир был обижен — я в нее нисколько не верю, потому что знаю его жизнь и служение, они никак не коррелируются с ней. Согласно этой версии, митрополит был обижен тем, что его выслали в Киев из-за сложных отношений с Григорием Распутиным, и поэтому он не согласился с предложением князя.

На следующий день февральские события нарастают в Петрограде, и теперь уже сам обер-прокурор Раев также обращается к митрополиту Владимиру с предложением все-таки выразить осуждение с церковной точки зрения тех политических событий, которые происходят за окном. Ответа нет и в этот раз. А дальше происходит совсем фантастическая вещь, казалось бы, если ее оценивать сегодня. 2 марта в своих покоях все тот же митрополит Владимир (Богоявленский), к счастью собрания Святейшего Синода, к счастью приглашенных, которые имеют самое отдаленное отношение к деятельности Синода, принимает решение

1. *Жевахов Н.Д.* Воспоминания Товарища Обер-Прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова. Первый том. Сентябрь 1915 — март 1917. Мюнхен: Типография Р. Ольденбург, 1923. С. 375.

установить прямую связь с исполнительным комитетом Государственной Думы, а походя решает вопрос митрополита Питирима.

Расценивать это можно было по-разному. В том числе и как нарушение присяги, прежде всего, и начало отношений с юридически незаконной на тот момент революционной властью; ибо отречение будет чуть позже, 2 марта, и это тоже событие, связанное с этим великим человеком. И только 6 марта часть российского епископата неожиданно, потому что официальное разрешение придет тремя днями позже, прекращает поминовение императора Николая II за богослужением. Проходит всего неделя, первая неделя февральских событий. 9 марта Святейший Синод все-таки соизволит официально обратиться с посланием. Как известно, это послание называлось «К верным чадам Православной Российской Церкви по поводу переживаемых ныне событий». 7 и 8 марта они очень долго работали, обсуждали все вопросы, более того, в рабочих документах присутствовали такие фразы, как «дом Романовых, который уже был», «дом Романовых, который уже прошел», притом что Михаил Александрович оставался представителем легитимной власти дома Романовых[2]. 9 марта выходит этот документ, который тоже на сегодняшний день объяснить очень сложно.

Не только призыв довериться Временному правительству, но и революционный переворот признается правомочным, и происходит страшное — легализация новой государственной жизни в России. Еще раз повторяю — при фактической легализации власти Михаила Александровича. Когда мы с коллегами-историками смотрели документы, меня поразило, что 7 и 8 марта, готовясь к этому посланию, они дом Романовых, царствующий, называют «бывшим» при той легитимной власти, которая еще есть.

Хочу подчеркнуть, что при этом они — умнейшие люди. Известно, что в свое время Константин Петрович Победоносцев допустил историческую ошибку, когда, отвечая на вопрос о членах Синода: «Как вы с ними обращаетесь?», сказал: «Полноте, они такие все одинаковые, только подписи у них разные». Разные они все были, очень разные, и чтобы понять и раскрыть образ каждого, кто принимал реальные решения, нужно, прежде всего, заниматься теми записями и эпистолярным наследием, которые многие из них оставили.

2. РГИА. Ф. 796. Оп. 204. 1917. I отд. V стол. Д. 54. Л. 6.

Хочу подчеркнуть, что никакого официального освобождения подданных империи от присяги царю и церковной власти не произошло. Один-единственный епископ Омский и Павлодарский Сильвестр (Ольшевский) призвал паству к присяге новому правительству, и то это было сделано за вечерней службой и не имело большого резонанса. Понятно, что епископат не был однороден в своих политических воззрениях, они были абсолютно разные. Одни тяготели к тому, что происходило, — либерализация в обществе коснулась, безусловно, и части духовенства. Другие традиционно стояли на принципах возвращения дома Романовых. Третьи, а это была самая значительная часть, которая сыграет свою роль в дальнейшей церковной истории первых двух революций, — ждали, что же скажет Синод.

При этом происходят страшные события, последовавшие за Февралем, а они как будто спят. Отчасти отрезвление приходит после Декрета Временного правительства «О свободе вероисповедания» от 14 июля. Была узаконена не только выборность в армии, но и состояние вне вероисповедания для всех граждан России. Начинаются дискуссии: как же так? Свобода отделения, обер-прокуратура остается, обер-прокурор на месте, но самое главное другое — меняется правовой аспект, касающийся детей, которые выбирают вероисповедание теперь сами, независимо от воли родителей. Более того, через месяц после принятия закона в Ставку летят страшные телеграммы. Коллеги, которые занимаются этим периодом, подтвердят, что телеграммы имели примерно такой характер: командующие фронтами сообщают о том, что до 55% офицеров и солдат спустя месяц после принятия Временным правительством закона о свободе совести отказываются приходить на исповедь.

Члены Синода снова не высказывают никакой позиции и тихо готовятся к Собору, который разрешен Временным правительством, снова идет та подготовительная работа, которая шла с начала XX века — как бы сон и как бы вакуум. Можно почитать переписку, она опубликована практически вся, — ничего не происходит, не дается никакой оценки. И только при подготовке первых мероприятий Поместного собора в Москве, который открывался впервые за последние 250 лет, которого так долго ждали, к которому так долго готовились, 1 августа было решено обратиться ко всем партиям России, чтобы привлечь их внимание к надвигающейся братоубийственной войне.

И вот тут я делаю первый и самый главный для себя акцент: ни о какой политике речи не идет, оценка политической власти

не дается, она не нужна, она будет дана позже, совсем в других условиях. Хотя что такое для истории два года? Члены Синода прекрасно понимают, что события и на фронте, и в стране ведут к страшной гражданской войне. 1 сентября звучат слова:

> Вдумайтесь, — в обращении к политическим партиям, — мы можем потерять человеческий христианский облик. Мы должны сделать все возможное, чтобы этого не случилось[3].

Проходит две недели, жизнь катится своим чередом. Открывается Собор, идут первый, второй, третий дни Собора. Почему это важно? Почему Собор является точкой отсчета для всей дальнейшей жизни церкви советского периода, началом той самой Голгофы? Потому что именно определение Собора — я как историк это подчеркиваю — является источником церковного права для всего XX века. Именно то, что там принималось, то, что там обсуждалось, то, что там трезвело, потому что к окончанию третьей сессии Собора там была совершенно другая история — это и стало тем источником церковного права, на которое церковь опиралась в тяжелое лихолетье XX века.

Наконец, 24 августа принимается экстренное «Послание Священного Собора Русской Православной Церкви всему православному народу». И опять здесь нет оценки политических событий. Соборяне призывают одуматься и подумать о грядущих бедствиях, которые у порога: «На несчастную Россию надвигается ужас междоусобной войны», — это они понимают прекрасно, потому что в истории страны это, как мы знаем, уже вторая по величине огромная гражданская война. «Наша родина стала притчей во языцех, предметом поношения среди иноземцев из-за алчности, трусости и предательства ее сынов». И заканчивается воззвание призывом к приложению всех сил во имя спасения Родины:

> Православные, именем Церкви Христовой Собор обращается к вам с мольбой: очнитесь, опомнитесь, отбросьте вашу взаимную ненависть и внутренние распри, встаньте за Россию[4].

3. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга I. Выпуск I. М.: Издание Соборного Совета, 1918. С. 160.
4. Там же. С. 99–101.

Я еще раз делаю упор на то, что нет никакой политической оценки происходящего, хотя они прекрасно понимают, если почитать дневниковые записи, каждый из них буквально мелким почерком, бисером пишет, как он реагирует на происходящее за окном. Но нет, только предупреждение о гражданской войне.

Октябрьские события прошли мимо них, потому что все они происходят в Москве, а там совсем другая ситуация. Вооруженное восстание в Москве — это кровавая история, и решение приходит очень трудно, причем лишь у отдельных представителей Собора. Здесь нужно сказать огромное историческое спасибо митрополиту Платону (Рождественскому), потому что именно этот архиерей 2 ноября берет на себя ответственность и возглавляет делегацию для встречи с Ногиным, который возглавлял тогда Московский военно-революционный комитет (ВРК). Для чего эта встреча? Они понимают, что с той братоубийственной войной, которая идет на улицах Москвы, — в Кремле юнкера, мальчики, — нужно что-то делать. Позже митрополит Платон запишет:

> Я шел по улицам Москвы, шел по Охотному ряду, подходили измученные солдаты, красногвардейцы подходили за благословением. Я шел и не мог понять, где я нахожусь. Ногин принял нас очень доброжелательно, единственное, что сказал, — просьба была очень простая: «Прекратить огонь, для того чтобы предать земле тела погибших»[5].

Как известно, ВРК пошел на это, и это было сделано 10 ноября. Но в то же время Ногин, грустно глядя архиерею в глаза, сказал: «Владыка, я не смогу выполнить ту просьбу, которую вы сейчас ко мне адресовали. Слишком поздно»[6]. Они возвращаются. Митрополит Платон, как известно по документам, подробно рассказывает о том, что была такая делегация, была такая встреча, она была для него удивительна, но опять же никакой оценки событий, которые происходят за окном.

Единственное, что происходит в этот день важное, — первый раз звучит политическая нота, очень завуалированно: Собор принимает обращение, в котором просит победителей при всех обстоятельствах щадить жизнь побежденных, не допуская мести, жестокости по отношению к ним.

5. ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 470. Л. 24
6. Там же.

Проходит ровно шесть дней, события продолжаются. Москва волнуется, там вооруженное восстание. К этому времени произошло то событие, которое стало той основой существования церкви, той самой концепцией, которая была выработана в трудные первые два года служения, — это избрание патриарха. Среди всех кандидатур избирается достойнейший из достойных — патриарх Тихон. Современники при обсуждении его кандидатуры говорили, что это самый добрый из архиереев Русской церкви. Когда делегация пришла к нему и сказала: «Ваше Святейшество, сообщаем, что избрание состоялось», — он повернулся, и в его глазах стояли слезы[7]. Он понимал, что ему предстоит. Его избрание стало началом его исповеднического пути, очень тяжелого. Прошли короткие для истории два года, и была выработана та самая концепция, которую он выстраивает на долгие десятилетия.

Что он делает? 8 ноября его устами Собор обращается первый раз к Совету народных комиссаров, ко всем политическим партиям, ко всему вооруженному населению России:

> Победители, без оценки, кто бы вы ни были и во имя чего бы вы ни боролись, не оскверняйте себя пролитием братской крови, умерщвлением беззащитных, мучительством страждущих и даже тех, кто отказался от Бога и Церкви, кого не трогает голос совести, остановитесь, хотя бы во имя человеколюбия. Собор взывает к вам, руководители движения, употребляйте все свое влияние на обуздание кровожадных стремлений тех, кто слишком упивается своей братоубийственной победой[8].

Никакой оценки, никакого обращения политического, никакого воззвания — просто «братоубийственная победа». Понятно, что жесточайшая борьба в центре и регионах, втягивание, вползание в полномасштабную гражданскую войну затронуло Собор, но опять же не в полной мере. Начинается новый этап. Первая сессия Собора своим определением «О правовом положении Русской Православной Церкви» фактически поставила точку в вопросе церковно-государственных отношений, кроме военных декретов, как я их называю.

7. См.: *Трубецкой Г.Н.* Памяти Св. Патриарха Тихона // Путь. № 1. Сентябрь, 1925.
8. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга III: Деяния XXXI–XL. Петроград, Издание Соборного Совета, 1918. С. 122.

Напомню основные положения этого определения, которым заканчивается первая сессия 2 декабря. За церковью сохраняется все имущество; ассигнования, необходимые для нее, исходят из государственной казны; все узаконения, которые касаются церкви, принимаются только с ее согласия; православие является основной религией государства. Вот суть тех 25 статей, которые принимаются.

К этому времени соборяне участвовали в захоронении и красных, и белых, прошли путь взаимодействия с ВРК, было три встречи. Казалось бы, уже очевидно: нужно хоть немного повернуться и посмотреть, что происходит за окном. Бытует мнение, с которым, на мой взгляд, трудно согласиться, чтобы ответить на вопрос, почему они игнорировали происходящее, — что якобы и сам патриарх, и большая часть епископата считали, надеясь на помощь союзников, что эта власть очень ненадолго, в крайнем случае, месяца на три-четыре. Поэтому то, что они принимают сейчас, должно быть на века, оно будет служить той самой опорой. Но это не так, потому что пройдет совсем мало времени, три недели — это практически ничто.

Какова ответная реакция? Определение «О правовом положении». Победившая власть бьет по самому больному. Сначала 11 декабря церковь лишается учебных заведений, а 17 декабря ответный декрет, не тот, 23-й, об отделении от школы и государства, а первый, о котором мало говорят, но который показал реально силу и значение пришедшей власти. Это Декрет о гражданском браке. Он направлен против сакральности брака. Вот тут, после издания этого первого из самых страшных декретов, начинается осмысление. Вы знаете, что Собор долго совещается, что будет несколько определений, посвященных принятию решений по поводу Декрета о гражданском браке. 19 января 1918 года после попытки вооруженного захвата Александро-Невской лавры, где был смертельно ранен настоятель Петр (Скипетров) только за то, что обратился к красногвардейцам со словами увещевания, начинается первая решительная акция со стороны патриарха. Именно тогда он обращается со своим знаменитым воззванием, где предает анафеме всех тех, кто творит беззакония. И потом долгие-долгие годы в истории церкви советского периода проходил только один тезис, что церковь — это ярый контрреволюционер. Как раз вот это 19 января, вот эта анафема беззаконию власти ставилась во главу угла при квалификации деятельности Русской православной церкви как контрреволюционной.

> Ежегодно доходят до нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чем не повинных людей, и даже на одре болезни лежащих, виновных только в том, что честно выполняли свой долг перед Родиной, что все свои силы полагали на служение блага народного. И все это свершается не только под покровом ночной темноты, но в явь при дневном свете, с неслыханной доселе дерзостью, беспощадной жестокостью, без всякого суда, с попранием всякого права и законности свершается в наши дни почти во всех городах по всей нашей Отчизне. Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые распри. Властью, данною нам от Бога, запрещаю вам приступать к таинам Христовым. Анафематствую вас, если только вы еще носите имена христианские, и хотя бы по рождению своему принадлежите к Церкви Православной[9].

Анафеме предается не новый политический строй, как понимали очень многие современники и многие историки, — анафеме предаются участники расправ. Хочу подчеркнуть, что даже в этом, самом, на мой взгляд, сильном, по внутренней реакции патриарха, обращении нет упоминаний о политической принадлежности. Возникает вопрос: почему? И почему этот документ был издан именно тогда? Многие историки соглашаются, что даже не Декрет об отделении, который был опубликован 23 января, а именно первый, самый жесткий удар, удар по сакральности брака, наконец, образумил, прежде всего, самого патриарха. Согласно декрету от 23 января (полное его обычное название «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», но вообще он называется «О религиозных объединениях»), церковь лишалась всего — и прежде всего права юридического лица, и мы помним национализацию всего церковного имущества. Напомню вам, 113-я статья упоминала о свободном исповедании любой религии в Российской республике. Но это уже итог той самой войны декретов, которые идут один за другим. Еще раз подчеркну, что самым страшным был декрет от 17 декабря.

Дальше происходят другие события. Соборяне уже на небольших каникулах между первой и второй сессиями, и 25 января приходит известие о гибели митрополита Владимира (Богоявленского) в Киеве. Это был период, когда Киев на короткое время заняла Красная армия.

9. Послание Святейшего Патриарха Тихона от 19 января 1918 года // Богословский Вестник. Сергиев Посад, 1918. Том I. Январь-Февраль. С. 74–76.

После этих событий, после принятия знаменитого закрытого епископского определения о преемстве, местоблюстительстве, каноничность которого обсуждается по сегодняшний день, — патриарх после этих событий уже выступает как политик. Он идет на это один, потому что все оценки, которые он дает, он дает от себя.

Я напомню, что следующим шагом после предания анафеме этой власти, не щадящей никого, становится осуждение устами патриарха Брестского мира. Власть не простила патриарху этот политический ход. Размышляя о Брестском мире, патриарх говорит следующее:

> Тот ли это мир, которого так жаждет народ? Заключенный ныне мир, по которому отторгаются от нас целые области, населенные православным народом, и отдаются на волю чужого по вере врага. Даже исконно православная Украина отделяется от братской России, и стольный град Киев, мать городов русских, колыбель нашего крещения, хранимая и хранительница святынь, перестает быть городом державы Российской. Мир, отдающий наш народ и русскую землю в тяжелую кабалу. Такой мир не даст народу желаемого отдыха и упокоения. Между тем, у нас продолжается все та же распря, губящая наше Отечество. Внутренняя междоусобная война не только не прекратилась, а ожесточается с каждым днем. Мы призываем совестью своею возвысить голос свой в эти ужасные дни и громко объявить перед всем миром, что Церковь не может благословить заключенный ныне от имени России позорный мир[10].

Это было первым действительно политическим выступлением патриарха, которое ему власть не простила никогда. Понятно, что, когда православные оказывались на территории красных, белых, зеленых, патриарх прекрасно понимал, что братья сражаются друг против друга, и считал это очень важным обстоятельством, избегая всякой вовлеченности в осуждение событий гражданской войны. Опять же исторический парадокс: он не побоялся, хотя хорошо понимал последствия, политически осудить заключение Брестского мира, но он никогда не высказывал своего политического воззрения по поводу Белой армии, добровольческого движения, отдельных его представителей.

10. Послание Святейшего Патриарха Тихона от 5 марта 1918 года // Церковные ведомости. № 9–10. 16 марта, 1918. С. 49–51.

Притчей во языцех стал факт, связанный с князем Трубецким, который, уезжая на юг к Деникину, просил благословения — причем не для всего движения. Он говорил:

> Я не хотел ставить Патриарха в неловкое положение, потому что знал, что этого не будет. Я хотел попросить благословения для отдельно взятого уважаемого человека, но этого он не сделал[11].

Не сделал — опять же понимая вовлеченность в эту страшную трагедию всех на всей территории необъятной России.

К 1921 году в огне войны погибло только среди священников, епископата и мирян свыше 10 тысяч человек. Цифры все обнародованы. За те годы, пока мы работали все вместе над этой темой, вопрос о первой волне репрессий практически закрыт. Опять же, причины непонятны, потому что я как историк убеждена, и многие коллеги со мной соглашаются, что до 1922 года, до своей победы и укрепления, у Советской власти не было программы борьбы с церковью. Только победив и укрепив свою власть, она начинает вести эту тяжелейшую и продуманную борьбу.

А мы говорим сейчас о 1918 годе, мы говорим о той самой войне. Что делает патриарх? 31 марта в Московской духовной семинарии за Божественной литургией он поминает 17 человек из тех, кого знает, погибших от рук тех, кто пришел устанавливать новую власть. И поминает еще трех, имен которых он не помнит. Это предшествует событию, о котором мало пишут. 17 июля происходит трагедия царской семьи, а 21 июля патриарх произносит проповедь, осуждая ее расстрел. Он открыто заявляет:

> С убийством государя христианская совесть мириться не может. Пусть за это называют нас [это политическое выступление второе по силе] контрреволюционерами, пусть заключают в тюрьмы, пусть нас расстреливают, мы готовы все это претерпеть в упование, что к нам будут отнесены слова Спасителя нашего «блаженны слышащие слово Божье и хранящие его»[12].

11. См.: *Трубецкой Г.Н.* Годы смут и надежд. 1917–1919 гг. Монреаль, 1981.

12. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. М., 1994. С. 142–143.

У патриарха впервые (здесь я делаю большой акцент) оказываются реальные помощники, которые политически его поддерживают. Практически все члены Собора присоединяются к словам патриарха и принимают общую политическую позицию, связанную с этим трагическим событием.

Последнее в своей жизни политическое выступление патриарх приурочил к годовщине революции. Многие историки считают, что это самое грозное из его посланий; я думаю, что нет — на мой взгляд, самым грозным было послание, посвященное политической оценке Брестского мира. Он обвиняет новое руководство

> в пролитии крови братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву. Отечество вы подменили бездумным интернационалом, хотя сами отлично знаете, что, когда дело касается защиты Отечества, пролетарии всех стран являются верными сынами, а не предателями. Отказавшись защищать Родину от внешних врагов, вы, однако, беспрерывно набираете войска. Против кого вы их ведете? Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы, ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Вы обещали свободу. Великое благо — свобода, если оно правильно понимается как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие, но такой свободы вы не дали. Все проявления как гражданской, так и высшей духовной свободы человечества подавлены вами беспощадно. Отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения и стеснения веры. Дайте народу заслуженный отдых от междоусобной брани, а иначе взыщется с вас всякая кровь праведная, вами проливаемая, и от меча погибнете вы сами, взявши меч[13].

Да, это резкое послание, но, еще раз повторяю, при всей его резкости патриарх Тихон опять же не призывает верных Русской православной церкви участвовать в каком-либо противостоянии Советской власти, предлагая последней проявлять хотя бы элементарные признаки гуманности. К слову сказать, единственный призыв к православным во всех его четырех знаменитых посланиях содержится в третьем из них. Я всегда об этом говорю, обращая внимание на то, насколько патриарх чувствовал политическую ситуацию и брал на себя ответственность. В третьем

13. Послание Святейшего Патриарха Тихона от 5 марта 1918 года. С. 49–51.

послании есть слова: «До нас доходят слухи о том, что православные участвуют в еврейских погромах». Он эту межнациональную ситуацию тоже очень хорошо понимает. И он один как исповедник берет на себя практически все.

Ровно год до сентября 1919 года. Очень мало документов об этом периоде, его личном внутреннем периоде, их практически нет. Патриарх собирает известия о первых мучениках и убиенных — Собор создает для этого группу. Неслучайно третье послание совпадает по времени с этим решением. Он понимает прекрасно, что это первая волна репрессий. Еще раз повторю, что до настоящей борьбы, взвешенной, страшной и жестокой, еще три года. Он берет на себя всю полноту ответственности. Это знаменитое 25 сентября 1919 года. Некоторые говорят, что это попытка конструктивных отношений. Нет, ни в какие конструктивные отношения патриарх не верил никогда. Но главное в послании от 25 сентября 1919 года — призыв воздерживаться от любых политических акций.

Обращаясь к пастырям и пасомым, он говорит слова, которые потом стали фактически ключом к выстраиванию отношений:

> Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение. Церковь возбраняет своим служителям вмешиваться в политическую жизнь страны, принадлежать к каким-либо политическим партиям, тем более делать богослужебные обряды и священнодействия орудием политической демонстрации. Памятуйте же, отцы и братья, канонические правила и заветы святого апостола. Блюдитеся от творящих распри раздоров. Уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях. Повинуйтесь всякому человеческому начальству в делах мирских. Не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрения советской власти. Подчиняйтесь ее велениям, поскольку они не противоречат вере и благочестию. Ибо Богу, по апостольскому наставлению, должно предаваться более, нежели людям. Посвящайте все свои силы на проповедь Слова Божьего[14].

Это воззвание положит начало долгому страшному пути поисков той самой лояльности, о которой мечтала власть, и тому самому поиску существования, о котором так долго мечтала и к которому так долго шла церковь.

14. РЦХИДНИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 118. Л. 19.

Почему я сделала акцент на этих трех воззваниях и, самое главное, на этой метаморфозе? Потому что на этом будет зиждиться служение митрополита Сергия, на этом будет зиждиться служение митрополита Алексия (Симанского) и на этом будет выстраивать свои труднейшие и тяжелейшие отношения в трагические десятилетия Русская церковь XX века. Как известно, переломным моментом, на очень короткое время, станет только Великая Отечественная война.

## Приложение

### *Стенограмма обсуждения*

**Павел Рогозный:** Вы сказали про декрет о гражданском браке. А что страшного было в этом декрете? Ведь гражданский брак — это не в современном смысле слова. Этот декрет же не отвергал церковный брак?

**Ольга Васильева:** Я попробую ответить вам на этот вопрос. Что было страшного для церкви и почему это было таким жестоким? Здесь самое страшное — это удар по малой церкви, по сакральности, по таинству брака. Мы с вами знаем, что Собор будет принимать несколько положений о том, что гражданский брак церковью не признается и что никаких развенчаний гражданскими службами церковных браков быть не может, что в случае гражданских разводов и дальнейшего устройства своей второй, третьей семьи церковь будет рассматривать это как двоеженство, троеженство и так далее, то есть как греховное деяние. Декрет был прежде всего ударом по малой церкви, по сакральности малой церкви, то есть по семье, этот удар был очень взвешенным, очень осознанным, с прекрасным пониманием всех последствий... Я вам другое могу сказать: вы никогда не задумывались, почему на протяжении долгих советских лет у нас оставался и даже сейчас, по-моему, до сих пор остается институт свидетелей? Никогда не задумывались?

Дело в том, что это определение поместного Собора. Это определение поместного Собора, чтобы после этого самого декрета о гражданском браке спасти малую церковь. Священник раньше знал каждого в своем служении, каждую семью, каждую человеческую жизнь, каждую историю; теперь же для того, чтобы подтвердить дееспособность людей, которые вступают в брак, в церковный брак, нужно было как минимум два свидетеля. Это было

определение Собора в ответ на то, что было сделано декретом о гражданском браке.

**Марианна Шахнович**: А Декрет о земле вы вообще в расчет не берете?

**Ольга Васильева**: Как можно не принимать Декрет о земле в стране, где 93% крестьянского населения? Но основной пафос моего выступления связан с одной фигурой — с фигурой патриарха Тихона. К 1920 году он соберет самый малый патриарший Синод, который будет потихонечку вырезаться, обрубаться, для коллегиального решения, для принятия тех решений, которые легли в основу дальнейшей жизни церкви. А так, конечно, я принимаю и все, что связано с черными переделами, и все, что связано с сельской церковной жизнью. Все это будет сегодня обсуждаться в рамках конференции.

**Александр Мраморнов:** Ольга Юрьевна, спасибо за оценку реакции Платона Рождественского как запоздалую. Действительно, это новое слово в историографии, потому что сам подход к делегации по-настоящему не оценивался. Я недавно выступал на другой конференции и сформулировал тезис о том, что церковь не использовала колоссальный мобилизационный ресурс приходов, чтобы остановить бойню. В Москве действительно было опоздание. Хочу Вас спросить: я прав в своих выводах о том, что это было опоздание? Правильно это или нет? Действительно ли это опоздание? Достаточно было призыва Собора. Но Собор в эти дни молчал, обсуждал патриаршество.

**Ольга Васильева**: Слава Богу, что обсуждал, что обсуждение завершилось тем, чем оно завершилось — тем самым историческим решением. Я не думаю, что в ноябре обращение соборян к духовенству Москвы могло вызвать вот это. Известно, что обсуждение обращения патриарха о предании анафеме не поддерживалось. А как раз во вторую годовщину революции, там уже все было понятно. Произошли события и эти события — реальные, я не буду перечислять тот сонм мучеников, который мы имеем за первые два года, потому что это очень долгий список, и здесь уже совсем иная картина.

**Владимир Мау:** Мне кажется, анализ этих событий очень важен с точки зрения исторической ретроспективы. В моем понимании российская революция и деятельность большевиков происходила в контексте Великой французской революции. В этом смысле можно взять два примера, которые вы приводили: вопрос о гражданском браке, это одна из копий французской ре-

волюции, и тезис о том, что и Собор, и другие ждали, что все это на несколько месяцев. Уже весной 1917 года шла дискуссия о грядущей радикализации, о термидоре. То есть контекст того, что будет радикальная власть, может, да, может, нет, может кончиться термидором и откатом, он доминировал до середины 1920-х годов. Термидора ждали все. Анализ события конкордата в контексте истории Французской революции может многое объяснить. Ожидание термидора, ожидание возврата к нормальной жизни...

**Ольга Васильева:** Владимир Александрович, мы сейчас с вами говорим о том, что думал, чувствовал и, может быть, желал делать епископат. Отношения с религией, католицизмом в период Французской революции были несколько иные. Я думаю, здесь религиозных параллелей проводить не надо. Все остальные параллели, например, политические, имеют место быть — они известны, и их проводят. Для меня самое важное то, что позиция, которую патриарх Тихон занял к 25 сентябрю 1919 года, эта позиция позднее будет воспроизводиться. Я как историк, будучи «сергианцем» по убеждениям (хотя говорить об этом нельзя), — я настаиваю на том, что именно эта позиция имела продолжение.

## Библиография / References

*Архивные материалы*

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Ф. 3431 — Всероссийский церковный поместный собор (Священный собор).

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Ф. 796 — Канцелярия Святейшего Правительствующего Синода.

Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ).

*Литература*

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти / под ред. протоиерея В. Воробьева. 1917–1943. М., 1994.

*Жевахов Н.Д.* Воспоминания Товарища Обер-Прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова. Первый том. Сентябрь 1915 — март 1917. Мюнхен: Типография Р. Ольденбург, 1923.

Послание Святейшаго Патриарха Тихона от 19 января 1918 года // Богословскій Вестник. Сергиев Посад, 1918. Том I. Январь—Февраль. С. 74–76.

Послание Святейшаго Патриарха Тихона от 5 марта 1918 года // Церковныя ведомости. № 9–10. 16 марта, 1918. С. 49–51.

Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга I, III. Выпуск I. М.: Издание Соборного Совета, 1918.

*Трубецкой Г.Н.* Годы смут и надежд. 1917–1919 гг. Монреаль, 1981.

*Трубецкой Г.Н.* Памяти Св. Патриарха Тихона // Путь, №1. Сентябрь, 1925.

*Archival materials*

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of Russian Federation].

F. 3431 — Vserossiiskii tserkovnyi pomestnyi sobor (Sviashchennyi sobor) [All-Russian Local Council (Holy Council)].

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

F. 796 — Kantseliariia Sviateishego Pravitel'stvuiushchego Sinoda [Office of the Most Holy Governing Synod].

Rossiiskii tsentr khraneniia i izucheniia dokumentov noveishei istorii [Russian center for storing and studying documents of recent history].

*Literature*

"Poslanie Sviateishago Patriarkha Tikhona ot 19 ianvaria 1918 goda" [Epistle of His Holiness Patriarch Tikhon of January 19, 1918] (1918), *Bogoslovskii Vestnik. Sergiev Posad* I (Ianvar'-Fevral'): 74–76.

"Poslanie Sviateishago Patriarkha Tikhona ot 5 marta 1918 goda" [Epistle of His Holiness Patriarch Tikhon of March 5, 1918] (1918), *Tserkovnyia vedomosti* 9-10(16 marta): 49–51.

*Sviashchennyi Sobor Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi. Deianiia* [Holy Council of the Orthodox Russian Church. Acts] (1918). Kniga I, III. Vypusk I. M.: Izdanie Sobornogo Soveta, 1918.

Trubetskoi, G.N. (1981) *Gody smut i nadezhd. 1917–1919 gg*. [Years of unrest and hope. 1917–1919]. Monreal'.

Trubetskoi, G.N. (1925) "Pamiati Sv. Patriarkha Tikhona" [In memory of St. Patriarch Tikhon], *Put'* 1(Sentiabr').

Vorobiev, V., protoierei (ed.) (1994) *Akty Sviateishego Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseia Rossii, pozdneishie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshei tserkovnoi vlasti. 1917–1943* [Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, later documents and correspondence about the canonical succession of the highest ecclesiastical authority]. M.

Zhevakhov, N.D. (1923) *Vospominaniia Tovarishcha Ober-Prokurora Sv. Sinoda kniazia N.D. Zhevakhova. Pervyi tom. Sentiabr' 1915 — mart 1917* [Memories of Comrade Ober-Procurator of the Holy Synod of Prince N.D. Zhevakhov. First volume September 1915 — March 1917]. Miunkhen: Tipografiia R. Ol'denburg.